

«МЕЧТАЛ О БЛАГЕ РОССИИ»

Генерал-прокурор
Дмитрий Николаевич
БЛУДОВ

ОТ «АРХИВНОГО ЮНОШИ» ДО «ПЕРЛА РУССКИХ ДИПЛОМАТОВ»

Дмитрий Николаевич Блудов родился 5 апреля 1785 г. в селе Романове Суздальского уезда Владимирской губернии, в родовитой дворянской семье. По преданию, основателем рода был киевский боярин и воевода Ивещей, живший в конце X—начале XI веков и принявший после крещения имя Ионы Блуда. Он будто бы запятнал себя убийством великого князя киевского Ярополка Святославича, но затем, раскаявшись, верно служил князю Ярославу Владимировичу и «кровью омыл преступление», сложив голову в битве с польским королем Болеславом, произошедшей в 1018 г. на Буге. Среди других предков Блудова, отмеченных исторической генеалогией, были и послы великого князя, и стряпчие, и воеводы. Одному из них, сподвижнику Минина и Пожарского, воеводе и члену Земского Собора Никите Васильевичу, по прозвищу «Беркут», за содействие в избавлении России от поляков царь Михаил Федорович дал в Суздальском уезде вотчину, названную в «память царской милости» Романово.

Отец Блудова, богатый и хлебосольный дворянин, жил широко и открыто, увлекался псовой охотой и карточной игрой, чем окончательно расстроил свое состояние. Он умер, когда Дмитрий был еще ребенком.

Мать Блудова, Екатерина Ермолаевна, урожденная Тишина, была женщина высоких нравственных качеств, умная, красивая и энергичная. Она вторично вышла замуж за костромского дворянина Писемского. Мать и отчим сумели дать Дмитрию прекрасное домашнее образование. С мальчиком постоянно занимались лучшие профессора Московского университета. Уже в юности он хорошо знал французский, немецкий и итальянский языки, несколько слабее — древние, а позднее, когда был посланником в Лондоне, выучил и английский.

Д.Н. Блудов приходился двоюродным племянником русскому поэту и государственному деятелю Г.Р. Державину.

В 15-летнем возрасте Дмитрий начал службу в Московском архиве Коллегии иностранных дел под руководством известного архивиста Н.Н. Бантыш-Каменского. Способный «архивный юноша», как называли в то время подростков, попавших в Московский архив и тем самым уклонившихся от обязательной для дворян военной службы, быстро обратил на себя внимание начальства.

С юности Дмитрий Николаевич был очень дружен с В.А. Жуковским, Д.В. Дашковым, К.Н. Батюшковым, Н.М. Карамзиным и другими восходящими светилами русской словесности.

Когда на престол вступил император Александр I, Блудов перевелся на службу в Петербург, в Коллегию иностранных дел. В 1807 г. Карамзин порекомендовал двадцатидвухлетнего друга только что вступившему в управление министерством иностранных дел большому знатоку отечественной истории, искреннему покровителю науки, литературы и искусства графу Николаю Петровичу Румянцеву, и тот взял его на дипломатическую работу. Первое время Блудов был секретарем русского посольства в Голландии, а в 1810 г. стал правителем дипломатической канцелярии главнокомандующего Дунайской армией графа Н.М. Каменского.

Николай Михайлович был младшим сыном прославленного генерал-фельдмаршала М.Н. Каменского. Он участвовал в последних походах А.В. Суворова в Италии и заслужил у него, за опытность и рассудительность, прозвище «старого генерала». В 1808 г. Каменский одержал блистательную победу в Финляндии, а вслед за этим назначен главнокомандующим Дунайской армией. К 35 годам он имел уже все высшие российские ордена.

Штаб-квартира армии Каменского располагалась в Бухаресте. Именно туда и прибыл надворный советник Блудов, чтобы принять дела по дипломатической части от П.Г. Саражиновича. Последний, заметив неопытность Блудова, по словам И.Н. Греча, «порядочно подурочил его, толкуя, что входящие и исходящие бумаги, что отпуска и заголовки». Дмитрий Николаевич обиделся, но сдержался. Спустя двадцать лет судьба снова свела Блудова и Саражиновича. Когда Блудов стал министром внутренних дел, он неожиданно увидел в министерстве своего давнего обидчика, служившего директором департамента. Дмитрий Николаевич был с ним «учтив, но холоден». Впоследствии, когда Саражинович попал под суд за какие-то злоупотребления, министр хотя и не отягощал его вины, но и не стал заступаться за своего сотрудника.

В армии Каменского Блудов сумел заслужить полное доверие главнокомандующего, выполняя все поручения быстро и качественно. Однако служил он там недолго. В мае 1811 г. Каменский после тяжелой болезни скончался. Ходила молва, что его отравили на вечере у французского консула в Бухаресте. Блудов вернулся в Петербург.

Вскоре он получил новое дипломатическое назначение — советника российского посольства в Стокгольме. Послом был тогда граф Григорий Александрович Строганов, человек «замечательного ума», один из самых «любезных и почтенных», как отзывались о нем современники. У Блудова сразу же установились с ним хорошие отношения.

В 1812 г. Дмитрий Николаевич женился на близкой родственнице Н.М. Каменского, княжне Анне Андреевне Щербатовой, дочери видного екатерининского сановника. Ф.Ф. Вигель, хорошо знавший семью Блудова, писал о ней: «Природа одарила ее чувствами самыми нежными и кроткими; я не знавал женщины более способной любить ближних, любить не пылко, но искренно и постоянно. Около нее была атмосфера добра и благосклонности; разумеется, что те, кои были ближе к ней, муж, дети, и родственники, более других испытывали усладительное действие оной; но и друзья и знакомые их, вступая в этот благорастворенный круг, подчинялись его приятному влиянию».

В 1814 г. Блудов стал поверенным в делах при Шведском дворе, а вслед за этим в течение трех лет служил при статс-секретаре (впоследствии министре иностранных дел) графе И.А. Каподистрия. В 1817 г. он назначается советником посольства в Лондоне. Хотя послом там был князь Х.А. Ливен, человек, по отзывам знавших его, бездарный и заносчивый, не умевший даже написать простой дипломатической депеши, Блудов сумел завоевать и его симпатии. Помимо выполнения обычных дипломатических обязанностей, граф Каподистрия поручал молодому дипломату знакомить Запад через английские газеты с положением дел в России, а также защищать «русские национальные интересы от нападков заграничной прессы». Из Лондона Блудов часто писал своим друзьям, в частности И.И. Дмитриеву, знакомя их с новейшей английской литературой, сообщая интересные сведения, в том числе о поэте Дж. Байроне.

Однако долго задерживаться в Лондоне Блудов не мог. К началу 1820 г. у него было уже четверо детей, а жизнь в Англии, хотя и представлялась роскошной, но обходилась слишком дорого. Чиновничьего жалованья не хватало, а имения его почти не приносили дохода. Пришлось вернуться в Россию. Его преемником на этом посту стал князь А.М. Горчаков, будущий министр иностранных дел, лицейский товарищ А.С. Пушкина.

В эти годы Блудов был искренним приверженцем внешней политики, проводимой Каподистрия, в частности, под-

держивал его идеи, направленные против сближения с Австрией, стоял за вмешательство России в борьбу Греции против Турции, что шло вразрез с официальной линией правительства. Со своей стороны, Каподистрия с большим уважением относился к Блудову, который был не только хорошим дипломатом, но и ученым. Он много работал над переводом и изданием «Документов для истории дипломатических сношений России с зарубежными державами».

А.М. Горчаков

Каподистрия покровительствовал Блудову и намеревался дать ему приличную должность. Он называл его «перлом русских дипломатов». Однако вскоре Каподистрия вынужден был уйти в отставку. Новый управляющий министерством иностранных дел К.В. Нессельроде, прозванный современниками «австрийским министром русских иностранных дел», к Блудову с самого начала относился с подозрением и

не жаловал его. Дальнейшая дипломатическая работа оказалась бесперспективной. Получив в 1822 г. чин действительного статского советника, Блудов стал подумывать об отставке.

«ЧЕЛОВЕК ИМЕЕТ МИНУТЫ СЛАБОСТИ»

Расцвет служебной карьеры Блудова приходится на царствование Николая I. Его возвышение было непосредственно связано с участием в Следственной комиссии по делу декабристов, что потом принесло ему немало горьких минут. Ведь многих декабристов он хорошо знал лично.

В начале 1826 г. Блудова назначили делопроизводителем Следственной комиссии и поручили ему подготовить по материалам расследования доклад государю. Блудов написал большой доклад «О злоумышленных обществах», который после подписания его всеми членами комиссии 30 мая 1826 г. был представлен Николаю I. По высочайшему повелению доклад был напечатан в приложении к российским газетам. Он фактически послужил материалом для приговора Верховного суда.

Документ этот вызвал неоднозначную оценку передовых людей России, от сдержанных до резко негативных. Бывший статс-секретарь Екатерины II А.М. Грибовский назвал труд Блудова «романтическим». Декабрист князь Е.П. Оболенский писал: «Из многочисленных спутников моей сибирской жизни ни один не сообщил мне не только о намеренном искажении истины их показаний, но даже о натянутом и недобросовестном толковании оных». Но многие декабристы придерживались иного мнения. Резко отрицательную оценку дал этому документу декабрист-эмигрант Н.И. Тургенев, а с его братом А.И. Тургеневым у Блудова произошел даже разрыв дружественных отношений.

По отзыву декабриста Д.И. Завалишина, донесение Следственной комиссии запутало и затемнило дело, желая главным образом представить декабристов и все их действия не только в «ужасном», но и «смешном» виде. По его словам, доклад «останавливался преимущественно на сплетнях пустых людей, которых в тайных обществах не занимали серьезные работы, а потому с ними совершенно незнакомых». Декабрист барон В.И. Штейнгель был еще более резок, отмечая, что доклад вышел «точно таким, каким непременно должен выйти обвинительный акт, когда

Е. П. Оболенский

обвиняемые заперты и безгласны, и когда обвинители в видах обеспечения будущности заинтересованы представить дело сколь возможно подозрительно-ужасным и с тем вместе хотят облечь свои действия искусною тканью лжи, с отливом яркого беспристрастия».

Декабрист барон А.Е. Розен замечает: «Кто внимательно вникнет в донесение Следственной комиссии, тот легко поймет, что большая часть обреченных жертв была осуждена не за действия, а за разговоры и наговоры на них». Декабрист М.А. Фонвизин назвал документ, подготовленный Блудовым, «сплетением искаженной истины с небывлицами и ложью, не только для обвинения подсудимых, но и для того, чтобы всячески очернить нравственный характер тайного союза и самую чистоту его намерений... За несколько лет назад вырвавшееся в горячем разговоре не-

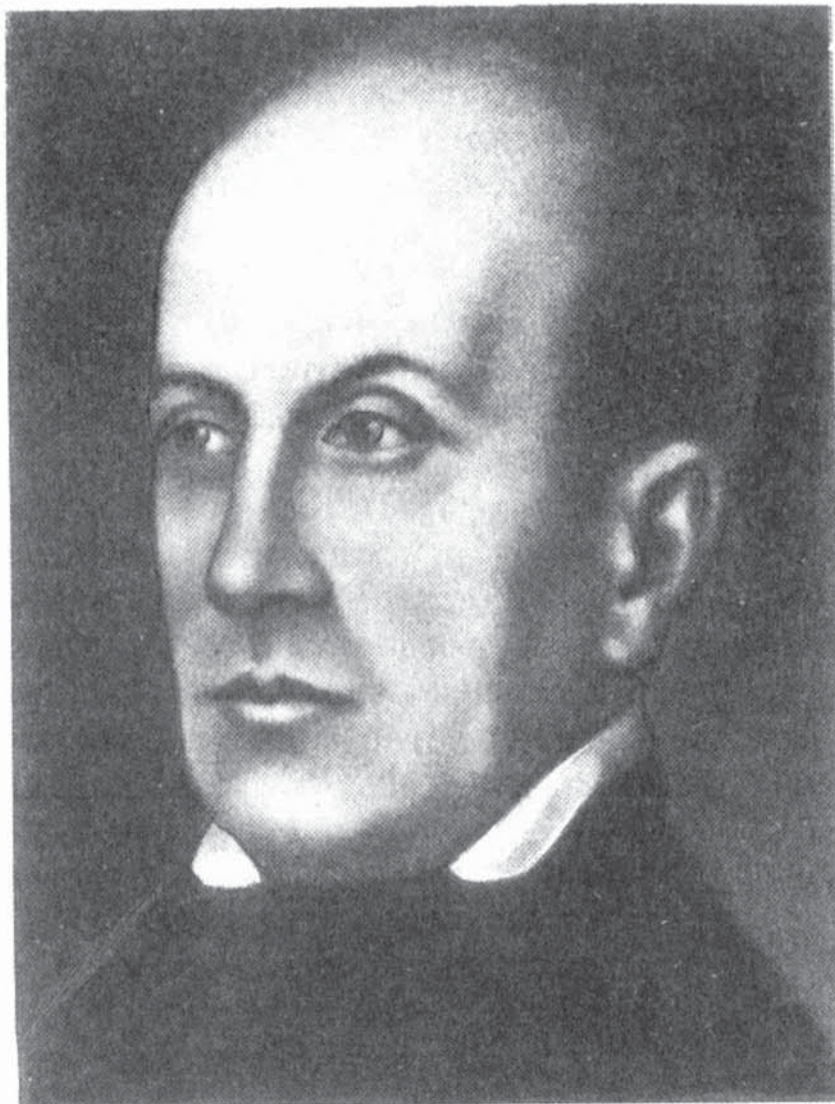
скромное слово — мысль, назавтра отвергнутую и позабытую сказавшим ее, называли царубийственным заговором. Тут разговорам в коротких дружеских беседах, иногда за бокалами шампанского и не имевших никаких последствий, придана важность государственного преступления».

А вот что писал декабрист Н.Р. Цебриков: «Блудов, верный значению своей фамилии, блудил, заблудился и смастерил одиннадцать категорий приговора, отличающиеся особенно кровожадностью, если подвергнуть строго юридическому анализу».

Русский мыслитель Петр Яковлевич Чаадаев, тяжело переживавший жестокую расправу над декабристами, однажды прямо спросил Блудова: «Для чего подсудимых во время процесса старались представить в смешном для них виде?» Дмитрий Николаевич ответил, что по его мнению, это было «единственное средство если не спасти их, то, по крайней мере, облегчить их участь».

В.И. Штейнгель

П.Я. Чаадаев

По словам П.В. Долгорукова, эмигрировавшего в 1859 г. во Францию и выпустившего там едкий памфлет о царствовании Николая I, Блудов «омрачил себя угодничеством», написав доклад, в котором была попытка «осмеять и оскорбить людей, из отчизнолюбия принесших себя в жертву». «Эта слабость, — писал далее Долгоруков, — легла мрачным пятном на поприще графа Блудова, поприще, кроме этого единственного несчастного эпизода, чистое и благородное».

В середине 1850-х гг., когда Блудов участвовал в работе комитета, готовившего проект указа об амнистии декабристам, он настойчиво и упорно добивался для них полной амнистии. Но это оказалось не в его силах.

Вспоминая о своей работе в Следственной комиссии, Блудов однажды сказал: «Да! Всякий человек имеет минуты слабости, в коих после горько раскаивается. Да! Бывают минуты, что сделаешь то, что после хотел бы искупить»

своей кровью!» Как бы развивая эту мысль, он записал в своем дневнике: «Мы все знаем и говорим, что человек бывает часто не похож на себя; что мысли, ум, характер и все способности души нашей, чувствуют влияние обстоятельств, которые от нас не зависят: а как мы судим о людях? По одному делу, по одному слову, по одному дню!».

«БЫЛ ДОСТУПЕН ДЛЯ ВСЕХ»

Император Николай I как-то раз, обращаясь к своему придворному историографу Карамзину, сказал: «Представьте себе, что вокруг меня никто не умеет написать двух страниц по-русски, кроме одного Сперанского».

Карамзин порекомендовал императору внимательно присмотреться к двум хорошо зарекомендовавшим себя на дипломатическом поприще людям — Дмитрию Николаевичу Блудову и Дмитрию Васильевичу Дашкову. Этот совет оказался как нельзя более кстати. Оба друга были «пожалованы» в статс-секретари. Указ в отношении Блудова подписан 11 июля 1826 года, а спустя несколько месяцев, 25 ноября того же года, он стал одновременно и товарищем министра народного просвещения и духовных дел. Министром в то время был Александр Семенович Шишков. Блудову волей-неволей пришлось уживаться со своим литературным противником, против которого часто направлялись острые сатирические стрелы «арзамасцев». Шишков пользовался репутацией человека трудолюбивого, бескорыстного и благородного, но в то же время очень вспыльчивого, резкого и упрямого. Отношения с новым начальником у Блудова складывались непросто.

В должности статс-секретаря Блудову пришлось выполнять ряд поручений, которые конечно же были ему не по нраву. Вот только один такой эпизод.

Главноуправляющий 3-м Отделением Бенкендорф представил императору доклад, в котором сообщалось, что некоторые дворяне позволяют своим крепостным обучаться различным наукам, наравне со свободными людьми. Николай I предложил Государственному совету рассмотреть записку и принять закон о том, чтобы «крепостные дети отнюдь не были отдаваемы для воспитания в такие учебных заведения, в коих они могли получить образование, превышающее их состояние, и чтоб были обучаемы в приходских училищах».

В.П. Кочубей, ставший в апреле 1827 г. председателем Государственного совета, решил уйти от этого вопроса, благоразумно посчитав, что эту меру надо «произвести с наименьшей оглаской». «Закон, Советом изданный, — писал он Николаю I, — сделался бы всей Европе известным, произошли бы разные толки и прочее». Император с ним согласился. Он начертал на его докладе следующую резолюцию: «Мнение г. Кочубея совершенно согласно с Моим... Надо велеть статс-секретарю Блудову изготовить проект указа министру народного просвещения, в коем подробно изложить сей предмет».

Таким образом, Блудов, по-видимому против своих личных убеждений, стал автором дискриминационного закона, закрывшим крепостным людям путь к высшему образованию. Вот как он обосновывал в проекте идею Николая I и Бенкендорфа. «До сведения Моего дошло, между прочим, что часто крепостные люди из дворовых и поселян, обучаются в гимназиях и других высших учебных заведениях. От сего происходит вред двойкий. С одной стороны, сии молодые люди, получив первоначальное воспитание у помещиков или родителей нерадивых, по большей части входят в училища уже с дурными навыками и заражают ими товарищей своих в классах, или чрез то препятствуют попечительным отцам семейств отдавать своих детей в сии заведения; с другой же, отличнейшие из них, по прилежности и успехам, приучаются к роду жизни, к образу мыслей и понятиям, не соответствующим их состоянию. Неизбежные тягости оного для них становятся несносны, и от того они нередко в унынии предаются пагубным мечтаниям или низким страстям».

Судя по тому, что впоследствии Дмитрий Николаевич принимал самое деятельное участие в подготовке Крестьянской реформы и отмене крепостного права, и, конечно же, не был жестокосердным крепостником, проект этого закона доставил ему немало душевных переживаний.

Рескрипт был высочайше утвержден Николаем I 19 августа 1827 года. С этого времени в университеты и другие высшие учебные заведения, казенные и частные, а также в гимназии и в «равные с оными по предметам преподавания места» могли приниматься только люди «свободных состояний». Крепостным было «невозбранено обучаться в приходских и уездных училищах и в частных заведениях, в коих предметы учения не выше тех, кои преподаются в училищах уездных».

6 декабря 1828 г. Блудов был «награжден» чином тайного советника и назначен главноуправляющим делами ино-

странных исповеданий. Это управление находилось тогда в ведении министра народного просвещения. Дмитрий Николаевич редко выполнял обязанности лишь по одной должности. Так случилось и на этот раз. Одновременно он стал делопроизводителем в так называемом Преобразовательном комитете.

Яркую характеристику Блудова этого периода оставил известный мемуарист А.И. Кошелев. В 1828 г. он был откомандирован к статс-секретарю Блудову. В своих «Записках» Кошелев пишет: «Мой новый начальник был очень умен, образован и крайне добр; но характером он был слаб и труслив. В те дни, когда он отправлялся к императору, он был весь не свой: не слушал, не понимал того, что ему говорили, вскакивал беспрестанно, смотрел ежеминутно на часы и непременно посылал поутру сверять свои часы с дворцовыми. Зато когда возвращался от императора, не получивши нагоняя, он был детски весел, не ходил, а летал по комнатам и готов был целовать всякого встречного. Добра делал он очень много, был доступен для всякого и готов выслушивать каждого, кому он мог чем-либо быть полезным».

Дмитрий Николаевич обладал исключительной работоспособностью и какой-то неудержимой страстью довести до совершенства любой документ. Получив от императора указание подготовить проект какого-либо манифеста, рескрипта или указа, он обычно приглашал одного из сотрудников и четко объяснял, что нужно высказать в бумаге. Когда чиновник, в меру своих способностей, составлял документ и приносил его Блудову, тот всегда хвалил подчиненного и оставлял проект у себя. Ночью он принимался за исправление написанного и к утру в сочиненном документе не оставалось ни одного прежнего слова. Чиновник вновь переписывал проект и отдавал его Блудову. Тот опять принимался черкать и исправлять его. Так продолжалось до тех пор, пока документ не нужно было везти императору.

Если Блудов был уверен в своем сотруднике, признавал его способным к службе, то ценил его и всячески отстаивал, несмотря ни на что. А.И. Кошелев в своих мемуарах вспоминал, что за безупречную службу Блудов не раз представлял его к награде, но Николай I всегда вычеркивал фамилию из списков. Однажды император сказал своему статс-секретарю о Кошелеве: «Это дурной человек; я вам советую быть осторожным с ним». Однако Блудов и после этого напоминания вновь представил Кошелева к производству в чин коллежского асессора и дал ему та-

кую хвалебную аттестацию, что самому представляемому неловко было ее читать. Ознакомившись с документом, написанным Блудовым, Николай I, усмехнувшись сказал ему: «Видно ты этого очень желаешь, изволь, но ты мне за него отвечаешь». Блудов поклонился и проговорил: «Вполне принимаю ответственность за представляемого мною Кошелева». Позднее Блудов выхлопотал, хоть и с большим трудом, позволение Кошелеву ехать на лечение за границу.

В другой раз Блудов с твердостью встал на защиту директора департамента духовных дел Ф.Ф. Вигеля от необоснованных нападок шефа жандармов Бенкендорфа. Последний написал Блудову о том, что до императора «частным образом» дошли «неблагоприятные сведения» о Вигеле. Будто бы он, «совершенно не занимаясь делом и даже не читая бумаг, получил в награду чин действительного статского советника». Бенкендорф попросил Блудова представить «ответное уведомление». В своем ответе Блудов энергично и со всей прямоотой защищал подчиненного ему чиновника от «несправедливого извета».

«БУДЕТ ИМЕТЬ ЦЕНУ ИСТИНЫ»

В 1830 г. Дмитрий Николаевич получил очередную награду — орден Св. Анны, украшенный императорской короной, а вслед за тем был назначен товарищем министра внутренних дел. Министр Арсений Андреевич Закревский хорошо знал Блудова. Впервые они познакомились, когда оба служили в Дунайской армии Н.М. Каменского — Блудов по дипломатической части, а Закревский адъютантом главнокомандующего. С тех пор он возвысился и одно время был даже ближайшим адъютантом императора Александра I, затем служил генерал-губернатором Финляндии. Закревский был человеком довольно своеобразным. Он происходил из бедной дворянской семьи, по службе продвигался не столько благодаря своим способностям, сколько льстивости и хитрости. Он был малообразован и самовластен, не гнушался ничем, даже злоупотреблением своим положением. С Блудовым он держался осторожно — видел, что тот пользуется благосклонностью императора.

В начале 1832 г. Закревский был отправлен в отставку, а Дмитрий Николаевич назначен на его место. В том же году Блудова ввели в состав Государственного совета. Он

А.А. Закревский

получает престижные ордена — Белого Орла и Св. Александра Невского.

Его служебное время теперь до предела заполнено разнообразными делами, к которым Дмитрий Николаевич относился всегда добросовестно, с полной мерой ответственности. На посту министра внутренних дел он оставался семь лет. За эти годы немало сделал по усовершенствованию деятельности аппарата министерства и подведомственных ему учреждений. В частности, Блудов участвовал в разработке Наказа гражданским губернаторам Российской империи, который был утвержден 3 июля 1837 года. Этот законодательный акт дополнял, развивал и более подробно регламентировал все стороны деятельности местной власти, установленные еще екатерининским Учреждением для управления губерний 1775 года.

Отметим лишь некоторые позиции, касающиеся судебной сферы губернаторов. Полномочия их здесь оставались весьма широкими. Именно от губернаторов во многом зависело возбуждение дела. Они рассматривали полицейские донесения и «соображали, не нужно ли начать или же усилить и распространить начатое уже по какому-либо происшествию исследование». В соответствии с Наказом губернаторы надзирали за следствием. «Наблюдая вообще за безостановочным, по возможности быстрым производством следствий, — отмечалось в Наказе, — начальники губерний имеют надзор и за течением дел в судебных местах, дабы предупредить там всякую напрасную проволочку и медлительность, и побуждают, когда нужно, нерадивых чрез губернское правление указанными для того в законе мерами». Губернаторы утверждали приговоры уголовных палат и судов низших инстанций после просмотра их прокурорами, за исключением некоторых «важнейших дел»; приговоры, которые они обязаны были представлять на усмотрение Сената, министра внутренних дел и даже «верховой власти». Они следили также за немедленным и точным «приведением в действие судебных решений вообще и в особенности поступающих для исполнения в губернские правления окончательных приговоров по делам следственным и уголовным».

В 1838 г. по инициативе министра внутренних дел было принято Высочайше утвержденное узаконение о Санкт-Петербургской городской полиции и о «производстве в ней дел». При Блудове были введены новые должности — в частности станового пристава, подчиняющиеся уездным урядникам.

Блудов хорошо видел недостатки руководимого им ведомства, старался глубоко их анализировать, вырабатывать меры по устранению способствующих им причин. Он довольно трезво оценивал обстановку в империи, а она была тогда беспокойной. Свои мысли, наблюдения, конкретные факты, статистические сведения он подробно докладывал императору. В 1836 г. Блудов писал И.И. Дмитриеву: «Я решился представить вам мою работу (отчет министерства внутренних дел за 1833, 1834 и 1835 годы). Утешаю себя мыслию, что в глазах ваших она будет иметь по крайней мере цену истины. Любовь к ней водила пером моим, и я сказал Государю, без прикрас, без лести все что делал и видел в течение 4-х лет моего управления».

А увидел он довольно много, в частности, то, что люди ценят и принимают только силу, что злоба, невежество, подлость, злоупотребления, лихоимство почти беспрепятственно властвуют всюду и везде, что произвол проник во все сферы общества. Может быть, именно служба в министерстве внутренних дел стала питательной средой для горьких мыслей, появившихся на страницах его дневника. Он записывает: «Мы все более любим в себе и уважаем в других одно: силу... Увы! Все нас обманывает в жизни; по крайней мере все земное, даже совесть... С большою осторожностью можно предохранить себя от злости людей; но как спастись от их глупости... Иные люди наделали много зла, и не могут быть названы злодеями: это имя для них слишком благородно. Они не злодействуют, а только пакостят с вредом для ближнего».

В феврале 1839 г. Блудов назначается министром юстиции и генерал-прокурором, сменив на этом посту своего друга Д.В. Дашкова, который, в свою очередь, заступил на место умершего М.М. Сперанского.

Служба его на этом поприще оказалась слишком кратковременной, поэтому ни талант государственного деятеля, ни большие способности Дмитрия Николаевича не смогли существенно повлиять на деятельность министерства, а также судебных и прокурорских органов. В министерстве юстиции Блудов оставался десять месяцев. В ноябре 1839 г. скончался Дашков, и император Николай I посчитал, что только Блудов сможет полноценно заменить того на посту председателя департамента законов Государственного совета и главноуправляющего Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Однако Блудову все же удалось провести кое-какие реорганизации и изменения в деятельности Сената и прокурорских органов. Он добился закрытия одного из отделений (третьего) 5-го департамента Сената. Все дела были распределены между двумя оставшимися отделениями. По его предложению Высочайше утвержденным мнением Государственного совета обер-прокурорам Правительствующего сената было предоставлено право принимать и увольнять воверенных им канцеляриях чиновников.

Ознакомившись с делами министерства, Блудов нашел, что материальное обеспечение чиновников канцелярий губернских прокуроров было плачевным. Дело в том, что эти канцелярии находились в штатах губернских правлений и деньги на их содержание обязаны были выделять все присутственные места губернии. Но суммы эти не были четко

определены, поэтому часто занижались, к тому же и выдавались они нерегулярно. Не получая вовремя денег, губернские прокуроры затевали длительную, и зачастую бесполезную переписку с присутственными местами.

Блудов представил Государственному совету предложение о «назначении определенных сумм» на содержание канцелярий губернских прокуроров. 24 марта 1839 г. Совет мнением своим «положил», чтобы губернским прокурорам на содержание их канцелярий выделялись строго определенные суммы, которые были указаны в специальных табелях. Причем, деньги должны были отпускаться в распоряжение самих прокуроров губернскими правлениями, казенными и судебными палатами и палатами государственных имуществ. Подробное «расчисление», сколько каждое присутственное место обязывалось выделять денег, определяли гражданские губернаторы «по совещании» с председателями палат и губернскими прокурорами. Этим же мнением было предложено определять в канцелярии губернских прокуроров канцелярских служащих и увольнять их губернскими правлениями только по предложениям прокуроров.

Через общее собрание Правительствующего сената Блудов провел вопрос о разрешении уездным стряпчим «свидетельствовать суммы» всех уездных присутственных мест, то есть надзирать за их финансовой деятельностью. До этого такой прерогативой пользовались только губернские прокуроры и стряпчие.

Блудов направил губернским и областным прокурорам несколько циркулярных предписаний. В частности, для того чтобы пресечь волокиту в рассмотрении дел, он предложил им иметь «тщательное и строгое наблюдение» за тем, чтобы присутственные места не принимали к своему рассмотрению дела, «не принадлежащие их разбирательству» и не входили «в рассмотрение дел, которые по своему роду и свойству к ведомству их не относятся».

17 августа 1839 г. в одном из циркуляров Блудов писал: «Замечено, что во многих присутственных местах не исполняются предписанные для отказов на недвижимые имущества правила». Для предупреждения «могущего от сего последовать ущерба казенному интересу», министр юстиции предписал губернским и областным прокурорам «иметь неослабное наблюдение, как самим, так чрез губернских и уездных стряпчих, чтобы в присутственных местах, заведывающих подобными делами, на точном основании Устава о пошлинах... отказы писаны были на установленной для сего бумаге».

Тогда же Блудов обратил внимание на то, что петербургский губернский прокурор сделал на журнале Приказа общественного призрения надпись о «свидетельствовании сумм», тогда как при этом присутствовал не он, а его помощник, губернский стряпчий. Сделав строгое внушение прокурору, Блудов предупредил своих подчиненных, чтобы впредь на таких документах ставили свои подписи только те прокуроры, которые при «свидетельствовании присутствовали и в оном участвовали».

В то время губернские прокуроры обязаны были представлять Всеподданнейшие доклады императору о всех арестантах, содержащихся под стражей более года. В сентябре 1839 г. киевский губернский прокурор запросил Блудова о том, каким образом показывать в этих докладах время содержания арестантов в случае их побегов и последующей поимки. Министр разъяснил, чтобы о таких арестантах подробно было указано время первичного содержания под стражей, время побега и время вторичного заключения после поимки.

5 декабря 1839 г. Блудов направил следующее циркулярное предписание: «Замечено, что в тюрьмы помещаются иногда арестанты без должного внимания к их возрасту и степени преступления. В отвращение зла, от сего произойти могущего, строжайше предписываю всем губернским, областным и прочим прокурорам всемерно наблюдать, в губернских городах лично, а в уезде чрез уездных стряпчих, чтобы предписанные... правила размещения арестантов были исполнены в точности, под опасением за отступление от оных взыскания с виновных по всей строгости законов».

15 декабря того же года Блудов «для ближайшего наблюдения за ходом дел об арестантах» предписал губернским, областным и уездным прокурорам и стряпчим «сверх подносимых ими ежемесячно Государю императору ведомостей об арестантах, содержащихся более года, составляя из всех таковых ведомостей одну общую, представлять одну каждый месяц при рапорте министру юстиции».

«ВСЮ ЖИЗНЬ ИДТИ ВПЕРЕД»

31 декабря 1839 г. Блудов занял должность председателя департамента законов Государственного совета, а также главноуправляющего Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. На этих ответст-

венных постах в полной мере проявилось огромное дарование Дмитрия Николаевича как государственного деятеля.

На Второе отделение была возложена обязанность подготовки законопроектов. С изданием Полного собрания законов и Свода законов Российской империи началась работа по пересмотру всего российского законодательства. Конечно, в условиях николаевской России кардинальные реформы были невозможны. Однако во многом благодаря Блудову была проведена громадная работа по подготовке Судебной реформы, завершенной уже другими людьми.

Свод законов постоянно дополнялся, что требовало от Блудова и его сотрудников особой ответственности и внимательности при переработке огромного количества законодательных актов. В 1842 и 1857 гг. под редакцией Блудова вышли два новых издания Свода законов Российской империи. Кроме того, Второе отделение изучало и давало историко-юридическую оценку, а потом и дальнейшее направление многочисленным так называемым «преобразовательным проектам», поступавшим от государственных органов и министерств.

В начале 1840-х гг. отделение, руководимое Блудовым, приступило к разработке Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Согласно воле императора, авторы законопроекта должны были придерживаться «основных начал» уголовного законодательства, закрепленного в Своде законов, и в то же время учесть все изменения, произошедшие в общественной жизни России. Этой работе Блудов отдавал много сил и энергии. Ведь фактически предстояло впервые создать кодекс уголовных наказаний. Дело в том, что Свод законов, составленный Сперанским, имел существенные недостатки. Многие статьи, касающиеся уголовной ответственности, были «рассеяны» по всем пятнадцати томам. Кроме того, Свод устанавливал только вид наказания, никак не конкретизируя, например, ни срока каторжных работ, ни количества ударов плетью и т.п. Судам был предоставлен широкий простор при определении меры наказания, что приводило к различным злоупотреблениям.

При подготовке Уложения было тщательно изучено уголовное законодательство почти всех европейских стран. Уложение вышло в свет в 1845 году. Оно заключало в себе 2224 статьи и, хотя не устраняло всех крупных недостатков, присущих тогдашнему уголовному законодательству, но все же объединяло в одном кодексе все действовавшие

тогда карательные постановления, и, самое главное, устанавливало конкретную меру наказания за то или иное преступное деяние. Уложение значительно облегчило использование уголовного закона судьям и прокурорам в их практической деятельности.

Блудов много размышлял над принципами совершенствования российского судоустройства и судопроизводства. Эти вопросы не оставляли его ни днем, ни ночью. Можно сказать, что подготовка Судебной реформы началась в недрах Второго отделения еще в 40-х гг. XIX века. Конечно, взгляды Блудова на Судебную реформу были отличны от взглядов тех юристов, которым пришлось завершать ее. Но работа Блудовым была проведена громадная.

Еще в 1844 г. Блудов представил императору Николаю I особую записку, содержащую в себе общую оценку предстоящей судебной реформы. Эта записка была рассмотрена не только императором, но и наследником Александром. Оба они, как отмечал сам Блудов, одобрили содержание его доклада.

Аналогичную записку представил Блудов и в 1857 г. императору Александру II. Необходимо отметить, что особого стремления к коренному изменению старого суда тогда еще не возникало. Вот что писал по поводу предстоящей реформы Блудов: «Надлежит ли думать, что у нас порядок судопроизводства должен быть исправлен теми же способами, как в других государствах, то есть введением многих элементов системы обвинительной? Я смею думать, что сие было бы, по всей вероятности, невозможно, или, по крайней мере, весьма вредно. Будучи в высшей степени несообразно с составом и духом наших судебных учреждений, оно, вместо усовершенствования сей части, привело бы к столкновениям, запутанности и удалило бы нас от цели, к коей мы должны стремиться».

И далее: «Одно установление официальных обвинителей, обязанных составлять акты обвинения и поддерживать их всякими средствами, даже софизмами, против возражений адвокатов, совершенно изменило бы характер, который ныне у нас присвоен званию прокурора, как охранителя порядка, но с тем вместе и защитника всех притесняемых, сделавшись поводом к неприличным пререканиям между подсудимым и важнейшими чиновниками по судебной части, и чрез то ослабляя, как в них, так и в других необходимое чувство уважения и доверия к власти Верховной».

Блудов первоначально возглавлял комиссию по обсуждению изменений гражданского законодательства, но впоследствии деятельность комиссии расширилась и коснулась всего судебного строя. Если первое время Блудов стремился достичь улучшений в деле отправления правосудия, не посягая на самые их основы, то в дальнейшем, по мере развития работ, взгляды его изменились. В объяснительной записке к проектам законов, внесенных на рассмотрение Государственного совета, он отмечал, что «вникнув в сущность порученного Высочайшим доверием дела, отказался от первоначальной мысли ограничить пределы реформы лишь некоторыми частными исправлениями, так как при полной несостоятельности всего существующего порядка судопроизводства одне только частные в нем поправки, без совершенного изменения самой его системы, не только не приведут к желаемой цели, но в некотором отношении даже удалят от нее».

Комиссия выработала проект устава гражданского судопроизводства, устава уголовного судопроизводства, устава судоустройства, положения о присяжных поверенных. Они были внесены на рассмотрение Государственного совета, который за два года, с 1858 по 1860, провел 39 заседаний.

Хотя проекты Блудова и не были столь радикальными, как те, что были выработаны позднее, они вызвали горячее сопротивление тогдашнего министра юстиции графа В.Н. Панина. Постоянные пререкания и столкновения Второго отделения и Министерства юстиции по вопросу о судебной реформе только тормозили дело. В октябре 1861 г. император поручил Государственной канцелярии с участием «прикомандированных к ней юристов» извлечь из проектов Блудова «основные начала», на которых должна была строиться судебная реформа. В 1862 г. император поручил Государственной канцелярии изложить те «главные начала», которые «несомненно признаются наукой и опытом европейских государств».

Блудов принимал самое непосредственное участие в подготовке документов по Крестьянской реформе 1861 года. 19 февраля именно он скрепил своей подписью акты об освобождении крестьян от крепостной зависимости. В это время он занимал уже пост председателя Государственного совета и Комитета министров. Спустя три года император подписал и указ «Об устройстве быта крестьян в царстве Польском», над которым также трудился Дмитрий Николаевич.

Блудов много сделал для приведения в порядок и опубликования памятников отечественной истории. Состояние их тогда было не самым лучшим. Изучив этот вопрос, он направил доклад императору Николаю I, и в 1849 г. последовало Высочайшее повеление следующего содержания: «Все дошедшие до нас как официальные, так и принадлежавшие частным лицам, но впоследствии дошедшие до правительства, рукописи разрядов привести в точную известность, сличить их, проверить один с другим и издать при II отделении Собственной Его Величества канцелярии».

В соответствии с этим указом, в 1850—1854 гг. было издано пять обширных томов дворцовых и официальных разрядов и несколько томов «посольских дел, статейных списков и посольских книг», имеющих огромную ценность для изучения истории России.

Одновременно с выполнением своих обширных государственных обязанностей Дмитрий Николаевич много внимания уделял научной и общественной деятельности. Он был помощником председателя русского археологического общества, почетным членом общества истории и древностей Российских и некоторых других ученых обществ. В 1855 г. он стал Президентом Императорской Академии Наук.

В своей речи при вступлении в эту должность Блудов сказал, что «если всякая общественная цель может быть достигаема только совокупною деятельностью многих соединенных сил, деятельностью ассоциаций, то достижение целей науки подлежит тому же закону». По его мнению, академическая корпорация представляла «надежное ручательство успехов науки». Он считал также, что наука имеет свои права, которые «должны быть уважаемы», что ей должна быть предоставлена свобода развиваться соответственно этим правам, в духе ее собственного назначения и силе разума, что «расширение границ науки, пути, которые она себе предначертывает, вопросы, которые себе задает и способы их решения, не терпят ничьих притязаний, ничьего внешнего вмешательства, никакого контроля, кроме контроля самой истины».

В силу своих возможностей Блудов употреблял свое влияние «на ограждение прав и достоинств науки от вредных случайностей и препятствий, мешающих ее процветанию». Как Президент Академии Наук Блудов предпринял попытку несколько изменить ее устройство и организацию, применительно к требованиям времени, укрепить ма-

териально. Комиссия, составленная из членов Академии Наук, разработала проект нового Устава и штатов. Но довести это дело до конца Блудов не успел. Новый устав был утвержден только в 1869 году, а новые штаты — в 1893 году.

По его инициативе Академия, помимо периодического издания трудов по текущим вопросам науки, начала издавать на русском языке ежегодно по несколько книг общих трудов ее отделений.

Работая исключительно много и упорно, Дмитрий Николаевич постоянно был неудовлетворен сделанным. Он стремился к совершенствованию во всем. Блудов записывает в дневнике: «Совершенство в точном, строгом смысле сего слова, невозможно для человека, по крайней мере, в здешнем свете. Но мы должны к нему стремиться, и провидение положило нам цель недостижимую для того именно, чтобы мы всю жизнь и беспрестанно шли вперед. На которой точке сего пути застанет нас конец земного испытания? Это тайна, и без нее не было бы той надежды, которую религия назвала добродетелью, которая, одна из всех, никогда нас без нашей вины не оставляет».

С середины 1850-х гг. Блудову часто приходилось председательствовать в общем собрании Государственного совета, а в начале 1861 г. он возглавил Совет и Комитет министров. В этом звании он находился до своей смерти.

Напряженная деятельность Блудова на ответственных постах щедро вознаграждалась Государем. Он пользовался бывшим уважением при Дворе, к его словам прислушивались.

Сам Блудов к наградам и чинам относился довольно равнодушно — они не очень волновали его. Для него важнее было другие ценности: служение Отчизне, Государю, общение с друзьями, книги... Вот что он писал по этому поводу: «Расточительность на чины и ордена можно сравнить с умножением ассигнаций. Их принимают еще за деньги, но уже не в прежней цене».

Тем не менее Блудов был удостоен самых высоких наград. В 1839 г. он стал действительным тайным советником, в 1841 г. получил орден Св. Владимира 1-й степени, а на следующий год — «пожалован» графским достоинством. В 1845 г. он награждается орденом Св. Андрея Первозванного, а через два года получает и алмазные знаки этого ордена. Позднее ему был вручен перстень с алмазами и портретом Его Императорского Величества (1851 г.), портрет Николая I с бриллиантом для ношения в петлице (1852 г.),

портрет императора Александра II с алмазами для ношения на Андреевской ленте (1856 г.), а также знаки отличия за 50-летнюю безупречную службу (1855 г.) и за проведение Крестьянской реформы (1863 г.). Блудов имел также несколько иностранных орденов.

«ТЫ ДРУГ И БРАТ ПЕВЦА ЛЮДМИЛЫ»

С юношеских лет Блудов серьезно увлекался литературой, проявлял большие способности к ней, писал критические разборы, эпиграммы. Он входил в окружение поэта, баснописца и государственного деятеля Ивана Ивановича Дмитриева и находился в курсе всех литературных дел и событий. Постепенно он завоевывает авторитет тонкого ценителя литературы, обладающего хорошим вкусом. Его остроумия побаивались многие. Биограф Блудова Е.П. Ковалевский так характеризовал его в молодости: «Его быстрый, острый ум нередко увлекал его к возражениям метким и колким, навлекавшим ему вражду людей, с которыми он случайно сходился».

Друзья же всегда прислушивались к его советам. Посвящая Блудову поэму «Вадим», В.А. Жуковский писал: «Твой вкус был мне учитель...»

Поэт, переводчик и издатель Александр Федорович Воейков в пародийном «Парнасском Адрес-календаре», своеобразном «табеле о рангах арзамасцев», назвал Блудова «государственным секретарем Бога Вкуса при отделении хороших сочинений от бессмысленных и клеймления последних печатью отвержения».

Более молодое поколение поэтов и литераторов относилось к Блудову все же критически. Достаточно вспомнить фразу А.С. Пушкина в письме к Жуковскому: «Зачем слушаешь ты маркиза Блудова? Пора бы тебе удостовериться в односторонности его вкуса. К тому же не вижу в нем и бескорыстной любви в твоей особе».

В середине 1810-х гг. Блудов стал одним из основателей известного литературного общества «Арзамас». Интересна история его создания, о которой поведал в своих «Записках» Ф.Ф. Вигель. Однажды Блудов по своим наследственным делам поехал в Оренбургскую губернию. По дороге он остановился в Арзамасе. В соседней комнате расположились несколько человек, и Блудову показалось, что они толкуют о литературе. «Молодое воображение его, — пишет Вигель, — создало из них общество мирных жите-

лей, которые в тихой, безвестной доле своей посвящают вечера суждениям о предмете, который тогда исключительно занимал его».

Воспоминания об этом вечере побудило Блудова написать острый памфлет против литературного противника Шаховского, в котором выводились на сцену и арзамасские любители литературы. Все это натолкнуло Блудова, Уварова и Дашкова «составить из себя» небольшое общество «Арзамасских безвестных литераторов». Жуковский тут же предложил провести «длинный ряд веселый вечеров». 14 октября 1815 г. состоялось открытие общества «Арзамас». Дмитрий Николаевич получил в нем прозвище «Кассандра».

Все наиболее значительные художественные произведения 1810-1820-х гг. — стихи, поэмы, повести — читались обычно в доме Блудова еще в рукописи. Вяземский в своем послании к Блудову писал: «Ты друг и брат певца Людмилы, ты другом был Карамзина».

В дальнейшем Дмитрий Николаевич, занятый ответственными служебными делами и не имея возможности заниматься литературой, писал все меньше и меньше. Он так и не стал профессиональным литератором. В одном из своих писем И.И. Дмитриеву он отмечает: «С литературою разрушились последние мои связи: я не имею времени читать даже журналы. С тех пор я люблю ее, как потерянного, мертвого друга, без надежды свидеться с ним и снова насладиться милой беседой».

В середине 1820-х годов, когда встал вопрос об отставке, Блудов задумал написать историю дома Романовых, которая должна была бы служить своеобразным продолжением «Истории государственного Российского» Н.М. Карамзина. Но этот замысел так и не осуществился. После смерти Карамзина Блудов взял на себя издание 12-го тома «Истории». Впоследствии (в 1857 г.) он издал также посмертные произведения и своего друга — В.А. Жуковского.

Одно время Блудов по указанию императора Николая I разбирал некоторые секретные архивные документы. На их основе он написал несколько исторических очерков и статей. В частности, «О самозванцах, являющихся при Екатерине II», «Суд над графом Давиером и его соучастниками», «Записка об известной самозванке Таракановой», «Бунт Бениовского в Большерецком остроге», «Дневные записки князя Меншикова», «Записки об Артемии Волынском», «Заговор и казнь Мировича». Некоторые из них были

опубликованы Е.П. Ковалевским в его книге «Граф Блудов и его время».

Блудов написал и издал также небольшую книжку «Последние часы жизни императора Николая I» (1856 год).

«Записками об Артемии Волынском» заинтересовался А.С. Пушкин. В конце декабря 1836 г. поэт, готовя документальные материалы для V тома «Современника», который должен был выйти в марте 1837 г., просил Жуковского достать ему «Записки». Жуковскому удалось заполучить их у Блудова. Он пишет Пушкину: «Посылаю тебе манускрипт Блудова. Мой писарь ничего разобрать не может; ты разберешь. Я отметил крестиками то, что можно печатать». Пушкин поручил переписчику сделать для него копию с «Записок», а подлинник вернул Блудову.

Дмитрий Николаевич постоянно вел свой дневник, который был издан в 1866 г. под названием «Мысли и замечания». В нем он периодически записывал свои мысли о литературе, философии, политике, религии, нравственности. С сожалением Блудов пишет о том, что ему не удалось в полную силу заняться литературным трудом: «Область творческого ума, ясных понятий, свежих, поражающих своею истиною и новостью мыслей, сильных, горячих чувств и выражений, ими вдохновленных, ты была для меня землей обетованной, и также как Моисей, обнимая тебя взором, я не вступлю в твои пределы».

А вот еще одна запись: «Благодарность и раскаяние — вот два чувства, которые наполняют мою душу, когда с грустным отвращением от настоящего и будущего, я вспоминаю прошедшую жизнь мою. Сколько благодетелей Неба и какое злоупотребление сих благ!».

«ВСЕГДА БЫЛ ЧУЖД СТЯЖЕНИЮ»

Д.Н. Блудов несомненно был неординарной личностью. Как государственный деятель он получил неоднозначную оценку современников — от восторженных до резко негативных. Не жаловали Блудова П.А. Вяземский, в молодости друживший с ним, А.И. Герцен, некоторые другие демократически настроенные интеллигенты. Конечно, Блудов был монархистом. В своих политических пристрастиях он легко поддавался «господствующему направлению» и нередко менял свои взгляды «согласно видам правительства».

С другой стороны, даже такой ярый противник Николая I и Александра II, как князь Петр Владимирович Долгоруков, который в 1859 г. эмигрировал из России по политическим соображениям, отзывался о Блудове с большой симпатией. Он писал: «Граф Блудов человек весьма умный, обладает обширными сведениями и отличным даром слова; среди своих многочисленных и часто утомительных служебных занятий он всегда находил время читать журналы,

П.А. Вяземский

книги и следить за ходом мысли человеческой. В течение своей долголетней жизни он чрезвычайно много перечитал; много видел и знал людей замечательных, и при его необыкновенно счастливой памяти беседа с графом Блудовым представляет истинное наслаждение: он бесспорно один из самых приятнейших собеседников в Европе». Долгоруков называл Блудова «самой светлой личностью нашего време-

ни», а также «добрейшим и честнейшим человеком, которого нельзя было не любить».

Известно, например, что Блудов выступал против усиления цензурных репрессий, был противником «стеснения умственного развития страны». В 1861 году, во время волнений студентов Московского университета, он упрашивал великого князя Михаила Николаевича не устраивать жестокой расправы над ними.

Каково бы ни было отношение к Блудову как политическому деятелю, многие мемуаристы отмечали высокие личностные достоинства графа, его скромность, обаяние, доброжелательность, отзывчивость, трудолюбие.

Один из биографов Блудова П.И. Иванов, хорошо знавший графа и одно время работавший под его началом, пи-

П.В. Долгоруков

сал о нем: «Граф готов был оказать самое теплое, самое радушное покровительство и поддержку каждому. Едва ли найдется хоть один трудолюбивый ученый или один даровитый писатель, который, имея нужду в покровительстве графа, мог бы сказать, что обращался к нему напрасно, не нашел в нем участия или готовности ходатайствовать, помочь в чем только возможно. Стоило только указать графу на какие-либо неизданные или любопытные или важные документы, и можно быть уверены, что со стороны его будет оказано деятельное пособие к обнаружению или напечатанию неизданного... Будучи весьма небогат, граф Блудов, сделавшись важным государственным сановником, не изменил ни образа жизни, ни характера в приемах, жил очень просто, был враг роскоши и блеска, не делал различия между посещавшими его по чинам, богатству и другим подобным соображениям, а смотрел только на ум и достоинства душевные, был ко всем неизменно любезен и доброжелателен; а потому в его скромные комнаты охотно собиралась и блестящая знать и образованные люди всех состояний... Граф Блудов обладал самой счастливой памятью, был неистощим в рассказах... Слушая его рассказы или поучительную беседу, никто и не вспоминал, что находится в присутствии первого сановника в государстве».

П.И. Иванов приводит еще такой факт. В начале 1860-х гг. от московских властей последовало указание о сносе Красных ворот. Иванов, узнав об этом из газет, обратился к Блудову с просьбой добиться отмены принятого решения и сохранения великолепного памятника старины. К своему письму он приложил историческую записку о строительстве Красных ворот и рисунки. С помощью Блудова памятник истории был сохранен и даже реставрирован. В другой раз Иванов в разговоре с Блудовым посетовал на то, что некоторые старинные сооружения, представляющие историческую ценность и требующие лишь незначительного поддержания, бездушно сносятся. В пример он привел разрушение Каменного моста. Блудов на это с укоризной заметил: «А зачем же вы мне о том не написали, я бы его отстоял».

Ординарный академик А.В. Никитенко, вспоминая о Блудове, писал: «Он сохранил, почти до последнего дня своего, свою обычную ясность, энергию и гибкость мысли, живость воображения, неистощимое богатство своей памяти и то изящество и убедительность слова, с тою при том разборчивостью и утонченностью вкуса, которые столько

же свидетельствовали о его высоком даровании, как и образованности, и которые составляли отличительные свойства и всегдашнюю прелесть его беседы. Мы могли удивляться только, как с подобными преимуществами положения и даров природы, он умел соединять еще такую доступность, такую простоту нравов и обращений, готовясь низойти ко всякой чужой мысли, из какой бы сферы она ни происходила, ко всякому чужому чувству, положению, нуждам».

А.В. Никитенко

Друг Блудова К.Н. Батюшков находил в нем «ослепительный фейерверк ума». Другой его современник, Ф.Ф. Вигель, писал: «Он часто удивлял меня своим умом, а впоследствии начал меня им ужасать».

Дмитрий Николаевич жил скромно, был противником всяческого стяжательства и накопительства. Во время приемов в его доме вечерний чай всегда подавали в медном са-

моваре, который, по словам П.В. Долгорукова, служил «гербом бескорыстия графа».

Как бы объясняя свой аскетизм, Блудов записал в дневнике: «Презирать все житейское не значит еще презирать жизни! Значит, напротив, знать истинное определение и следовательно истинно высокую цену ее».

Современники вспоминали, что однажды, в 1859 г., когда здоровье Блудова ухудшилось и врачи настоятельно рекомендовали поехать на лечение за границу, он оказался в очень трудном положении. У человека, занимавшего высокие государственные посты, не было денег на такую поездку. Блудов уже подумывал о перезаложении своего небольшого родового имени. Об этом случайно узнал министр иностранных дел Александр Михайлович Горчаков. Он сообщил о затруднительном положении Блудова Александру II, и тот распорядился выдать графу денег на дорогу.

О себе Блудов писал: «В одном только я не знаю за собою упрека, это в отношении денежном; я всегда был чужд стяжению, и никогда рука моя не касалась чужих денег. Свое небольшое родовое состояние я не только не увеличил, но еще расстроил, и живу только одними моими окладами, которые получаю от милости государя».

Мы уже отмечали, что Блудов был дружен со многими писателями и поэтами первой половины XIX века. До самой смерти дружеское отношение к нему питал А.С. Пушкин, который не раз бывал у графа. Дочь Блудова, общественная деятельница и публицистка, Антонина Дмитриевна, писала об одной такой встрече поэта с ее отцом: «А вот и Пушкин, со своим веселым, заливающимся, ребяческим смехом, с беспрестанным фейерверком остроумных, блистательных слов и добродушных шуток».

А.С. Пушкин не раз через друзей и лично обращался к Дмитрию Николаевичу по различным вопросам. Так, он просил Н.А. Погодина переговорить с Блудовым, чтобы тот посодействовал изданию Указателя к «Истории государства Российского», составленного П.М. Строевым. Указатель вышел в свет в 1836 году. Когда Пушкин работал над «Историей Петра I», то Блудов, бывший в то время министром внутренних дел и ведавший государственными архивами, оказывал содействие поэту в получении архивных материалов.

Блудов был хорошо знаком со многими видными иностранными писателями и государственными деятелями, в частности, с госпожой де Сталь, с маршалом Франции Бер-

надоттом, впоследствии ставшим королем Швеции Карлом XIV, и другими.

Вот какую характеристику дал Блудову в своих «Записках» французский писатель Ипполит Оже: «Он был среднего роста и начинал полнеть. С первого раза лицо его не казалось привлекательным, хотя в нем не было ничего безобразного. Но оно совершенно преображалось, когда он начинал говорить. Быстрый, логический ум, обилие мыс-

А. Д. Блудова

лей, живость и меткость выражений невольно заставляли признавать его превосходство над собою. Он чувствовал свое превосходство и давал его всем чувствовать; но это высокомерие не оскорбляло чужой гордости. Французский язык он знал со всеми оттенками и особенностями и свободно владел им. Память у него была изумительная, он говорил, как книга. Разговаривая, он всегда ходил по комнате...».

В начале 1860-х гг. Блудов начал серьезно побаливать. Работать ему становилось все труднее. Осмысливая прой-

денный им путь, он понимал, что сделал не все, на что был способен. В своем дневнике Блудов записал: «Я развалина, сказал где-то про себя лорд Байрон. Мне хотелось бы прибавить, думая о себе самом: и развалина недостроенного здания».

Дмитрий Николаевич Блудов скончался 19 февраля 1864 г., на 79 году жизни. Похоронен на кладбище Александро-Невской лавры, недалеко от могил своих друзей Карамзина и Жуковского. Погребение состоялось в присутствии императора Александра II, членов императорской фамилии, высших чинов министерств и ведомств, представителей Академии Наук, при большом стечении народа.